

ЛЬЮИС СИНКЛЕР

ЭЛМЕР ГЕНТРИ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Перевод Марии Кан

Синклер, Л.

Элмер Гэнтри. [Роман]. / Льюис Синклер. Перевод с англ. М. И. Кан. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 626 с.

ISBN 978-5-521-74752-8

«Элмер Гэнтри» — сатирический роман американского писателя, лауреата Нобелевской премии, мастера и знатока психологии «среднего американца» Льюиса Синклера, в котором представлены аспекты религиозной деятельности Америки в фундаменталистских и евангелистских кругах и отношение к ней общественности 1920-х годов. Главного героя романа, преподобного доктора Элмера Гэнтри, поначалу привлекают выпивка, легкие деньги и женщины. После нескольких попыток проповедовать Евангелие в разных конфессиях несмотря на свое лицемерие и последовательные сексуальные скандалы в конечном итоге он становится успешным священником Методистской церкви.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74752-8

© Перевод. М. И. Кан,
наследники, 2022

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Элмер Гентри был пьян. Он был пьян воинственно и самозабвенно; он был словоохотлив во хмелю. Навалившись на стойку кабачка Оулд Хоум, самого пышного и элегантного питейного заведения в городе Кейто, штат Миссури, он уговаривал буфетчика спеть вместе с ним популярный вальс «Славные летние дни».

Буфетчик подышал на рюмку, протер ее и, взглянув на Элмера сквозь сверкающее стеклянное полушарие, ответил, что он, по правде говоря, не очень-то мастер по части пения. Впрочем, он сказал это с улыбкой, да и какой буфетчик не улыбнулся бы, глядя на Элмера, возбужденного, горячего, задорного, с такой победительной усмешкой на мясистом лице!

— Ну что ж, старик, — уступил Элмер. — Ладно. Тогда мы с приятелем покажем тебе класс. Познакомься с моим соседом по комнате. Джим Леффертс! Парень — первый сорт. А не то стал бы я с ним жить в одной комнате! Лучший полузащитник на Среднем Западе! Знакомьтесь.

И буфетчик с величайшей готовностью пожал руку мистера Леффертса. Затем Элмер и Джим Леффертс вернулись к своему столику и пьяными голосами затянули протяжную и звучную негритянскую мелодию. Пели они, надо сказать, превосходно.

У Джима был звонкий тенорок, а что до Элмера Гентри, то в нем самое сильное впечатление производили не массивная фигура, не эта шапка густых черных волос и даже не эти дерзкие темные глаза, а голос: сочный, бархатный баритон. Этот человек был прирожденный сенатор. За всю свою жизнь он не сказал ничего умного и интересного, и все же каждое его слово казалось значительным. В его устах простое «здравствуйте» звучало глубокомысленно, как изречение Канта, празднично, как духовой оркестр, и торжественно, как орган в кафедральном соборе. Его голос пел, точно виолончель, и, очарованные им, вы не замечали вульгарных словечек Элмера Гентри, его бахвальства, его сальных острот и вопиющего насилия над грамматикой, которое он учинял в ту пору...

Подобно усталому путнику, что смакует каждый глоток холодного пива, слаженный дуэт голосов сладострастно выводил певучие фразы:

По тропинкам с подружкой гуляя в тени,
Ты ей руку тихонько пожми.
«Ты моя, а я твой, хорошо нам с тобой
В эти славные летние дни!»

Элмер даже прослезился от избытка чувств.

— Пошли отсюда, — всхлипнул он. — Подраться бы, что ли... Ты ж у меня забияка, Джим. Поддень кого-нибудь, пусть к тебе привяжется, а там подоспею я и башку ему снесу. Я им задам! — Он грозно возвысил голос и широко развел ручки, готовый схватить воображаемого обидчика. Он клокотал от ярости при мысли о злодеянии, которое вот-вот должно совершиться. — Я ему всыплю, гаду! Ей-ей. Задевать моего приятеля? Да вы знаете, кто я такой? Я — Элмер Гентри, вот кто! Я т-тебе покажу!

Буфетчик, добродушно ухмыляясь, засеменил к их столику, навстречу верной гибели.

— Кончай, Сорви-Голова! — унимал его Джим. — Выпей лучше еще стаканчик! Я сейчас закажу. — И тут Элмер снова пустил слезу, оплакивая горестную судьбу неудачника, которого, как он смутно помнил, зовут Джим Леффертс.

Внезапно, будто по мановению волшебной палочки, перед ним возникли два стакана. Он пригубил один и озадаченно пробормотал:

— Извиняюсь!

В стакане оказалась вода. Ничего, его не проведешь! В том, пузатеньком, безусловно, будет виски. Так и есть. Он прав, как всегда. С самодовольной усмешкой он высосал стопку. Неразбавленное виски опалило ему горло, наполнив его ощущением силы и умиротворенности. Осталось еще только проучить того малого — правда, он не припомнит кого, — и уж тогда без остатка раствориться в ангельском благодушии.

Обстановка бара действовала на Элмера блаженно-успокоительно. От кислого и бодрящего запаха пива он чувствовал себя особенно здоровым. А как ослепительно прекрасен буфет! Мерцание красного дерева, изысканная мраморная стойка, сверкающие бокалы, затейливой формы бутылки с неизвестными напитками, расставленные столь искусно, что смотреть на них — одно удовольствие. Неяркий, упоительно мягкий свет сочится сквозь причудливые окна — таких окон нигде и не встретишь, кроме как в церкви, пивной или ювелирной лавке, — словом, там, где можно укрыться от действительности. На коричневых оштукатуренных стенах красовались стройные нагие девицы.

Элмер отвернулся. Женщины не влекли его сейчас.

— Подлая девка, эта Джуанита! — буркнул он. — Только и думает, как бы из тебя вытянуть побольше — и все.

Но что это? Как интересно! Откуда-то, словно сам собою, выпорхнул обрывок газеты и скользнул на пол. Презабавная штука! Элмер разразился хохотом.

Затем в его сознание проник чей-то давным-давно знакомый голос. Голос возникал в далекой световой точке и летел к нему по гулким коридорам сна:

— Нас с тобой выставят отсюда, Сорви-Голова. Пошли лучше.

Элмер всплыл со стула. Прелестно! Ноги идут сами по себе, без всякого усилия. Постойте, что еще за номер — да ведь они заплетаются! Правая нога почему-то впереди левой, а ей вроде бы полагается быть позади! Элмер хихикнул и оперся на чью-то руку — руку помощи, не приделанную к корпусу, протянутую ему из небытия. Потом — миля за милей, неведомые, невидимые кварталы. Голова его постепенно прояснялась, и он торжественно объявил некоему Джиму Леффертсу, который почему-то внезапно очутился рядом с ним:

— Надо будет вздуть этого типа!

— Да уж ладно, давай! Вздуй кого-нибудь, отведи душу.

Элмер был поражен. Он загрустил. Его нижняя челюсть огорченно отвисла, изо рта показалась струйка слюны. Да, но ведь ему же разрешили отвести душу и подраться! Ура! И он нетвердыми шагами устремился навстречу желанной потасовке.

Великолепно! Вот это вечерок! Впервые за много недель он стряхнул с себя скуку Тервиллингер-колледжа.

II

В то время, осенью 1902 года, Элмер Гентри, известный у себя на курсе под кличкой «Сорви-Голова», был капитаном футбольной команды Тервиллингер-колледжа, лучшей футбольной команды за последние десять лет. Это она одержала победу в чемпионате на первенство Восточного Канзаса, хотя это место оспаривали команды десяти духовных колледжей, из коих у каждого были и свои собственные учебные корпуса, и

ректор, и часовня, своя команда болельщиков, собственное знамя, и программа обучения, не уступающая программе лучших средних учебных заведений. Однако с того вечера, когда состоялось официальное закрытие футбольного сезона, на котором юные джентльмены устроили грандиозный фейерверк, предав сожжению девять бочек дегтя, вывеску еврея-портного и пеструю кошечку ректора, — с того самого вечера Элмер изнывал от скуки.

Баскетбол и пустячные упражнения гимнастов он считал занятием, недостойным героя футбольного поля. Поступая в колледж, он надеялся получить кое-какие практические познания, которые могут пригодиться юристу, врачу, страховому агенту. Он еще не решил тогда, кем будет. (Не решил он этого и по сей день, хотя был уже на последнем курсе колледжа и хотя в ноябре ему уже стукнуло двадцать два года.) Однако надежды его не оправдались. Зачем нужна тригонометрия в зале суда или даты царствования Карла Великого у операционного стола? (Кстати сказать, прошлой весной, на экзамене по истории Европы, он эти даты вроде бы знал.) Много ли заработаешь на дурацких цитатах этого старого олуха Вордсворта? Как это там у него?.. Ну, эта тарабарщина: «Подвластны миру суеты мы слишком...» и прочее.

Муть все это, чепуха. Лучше бросить колледж и пойти работать. Но раз уж его матери так хочется, чтобы ее сын получил диплом, нужно тянуть лямку. Во всяком случае, это куда легче, чем скирдовать сено или таскать мешки. Тем более, мать говорит, что в ее модной лавке дела идут отлично!

Несмотря на свой великолепный голос, Элмер воздерживался от участия в ученых дебатах, потому что терпеть не мог рыться в книгах. Ничуть не более привлекали его молебствия и душеспасительное красноречие Христианской Ассоциации Молодых Людей, ибо всеми силами своей бесхитростной и

здоровой природы он ненавидел благочестие и обожал пьянство и мирские радости.

Случалось, что, повторяя на занятиях ораторского искусства блистательные речи великих мыслителей Даниэля Уэбстера, Генри Уорда Бичера или Чонси Депью, он ощущал сладость власти над аудиторией, когда ты держишь людей точно в кулаке и от одного звука твоего голоса их бросает в жар и холод. Члены студенческого дискуссионного клуба уговаривали его поступить к ним, но что это были за люди? Жалкие хлюпики, очкарики! И потом — торчать в затхлой библиотеке и вычитывать из пыльных захватанных книг статистические данные об иммиграции или промышленности Сан-Доминго?! Да это же попросту непристойно!

На экзаменах он не проваливался только потому, что Джим Леффертс силой заставлял его сидеть над книгами.

Джима колледж тяготил меньше. У него был определенный вкус к учению. Он любил узнавать новое о людях, что жили тысячи лет назад; его увлекали чудеса химической лаборатории. Элмер только диву давался, как это Джим, такой мастер выпить, такой ловкий волокита, может находить что-то интересное в римских колесницах и незатейливых амурных делах душистого горошка. Что ж, и ему прикажете так? Ну нет! Очень надо! Ему бы только вырваться отсюда, окончить юридический, а там он в жизни не откроет больше ни одной книги: присяжных и так нетрудно водить за нос, а дела можно поручить какому-нибудь старому недотепе.

Его бы уж давно доконали нудные лекции наставников, если бы изредка ему не выпадали на долю невинные радости: прогулять очередное занятие вместе с Джимам, покурить тайком, поухаживать за своими однокурсницами или дочкой булочника, а то и напиться так, чтобы море по колено! Да только частые попойки были ему не по карману, а однокурс-

ницы, по большей части, были страшны, как смертный грех, и ревностны к учению.

Обидно было видеть, как этот здоровенный детина, которому, казалось, сам бог велел сражаться на ринге, царить на рыбном базаре или орудовать на бирже, слоняется по сонным коридорам Тервиллингер-колледжа.

III

Тервиллингер-колледж, основанный ревностными баптистами и существующий на их средства, стоит на окраине городка Гритцмейкер-Спрингс, штат Канзас. (Источник, что дал название городишке, давным-давно высох, а Гритцмейкеры переселились в Лос-Анжелос и стали владельцами гастрономических магазинов или контор по продаже земельных участков.) Городок раскинулся в прерии, где зимою свирепствуют снежные бури, летом — пыль и жара, а хорошо бывает лишь зеленой весной и сонной осенью.

Тервиллингер-колледж никак не спутаешь с богадельней, ибо на его дворе красуется большой камень, испещренный надписями учащихся.

Большинство преподавателей колледжа — бывшие священники.

При колледже имеется мужское студенческое общежитие, но Элмер Гентри и Джим Леффертс жили в городе, в старинном особняке, некогда составлявшем фамильную гордость самих Гритцмейкеров: квадратной кирпичной громадине под белым куполом. В комнате, которую занимали друзья, все оставалось таким же добротным и солидным, как во времена ее бывшего хозяина Августа Гритцмейкера: широчайшая резная кровать черного ореха, тяжелые и вечно пыльные парчовые портьеры; черные ореховые стулья в чехлах с позолоченными бомбошка-

ми. Окна открывались туго. В этой комнате, точно в магазине подержанной мебели, царил дух старательной добропорядочности и несбывшихся надежд.

Музейная обстановка дома как-то особенно сильно оттеняла юношескую энергию и бодрость Джима Леффертса. По массивной фигуре Элмера уже угадывалось, что он может обрюзгнуть в будущем; но Джиму эта опасность не угрожала никогда. Худощавый и невысокий, на шесть дюймов ниже Элмера, он был тверд, как слоновая кость, гибок и упруг. Родом он был из деревушки, затерянной в прериях, но, несмотря на это, в нем чувствовались утонченность и врожденное изящество. Весь его гардероб — костюм «на каждый день», заметно потертый на локтях, и темно-коричневый «выходной» — был приобретен в магазине готового платья: пуговицы были пришиты кое-как, швы расползались, и все же на нем даже эти вещи выглядели элегантно. Видно было, что этот человек сумеет поставить себя в любом обществе, стоит ему только захотеть. В поднятом воротнике его пальто было что-то романтическое; залатанные брюки не казались свидетельством бедности — в них чувствовалась обдуманная небрежность и даже своеобразный шик; а его галстуки — в общем-то самые обыкновенные — наводили на мысль о принадлежности к фешенебельному клубу или блестящему студенческому землячеству.

Тонкое лицо его дышало решимостью. В первый момент бросалась в глаза только его юношеская свежесть, но постепенно сквозь нее проступало другое: характер, твердая воля. Его карие глаза светились насмешливо и дружелюбно.

Джим Леффертс был единственным другом Элмера; единственным настоящим другом за всю его жизнь.

В колледже Элмера Гентри, в сущности, не любили. Да, он был кумиром местных болельщиков, да, его затаенная чувственность и грубая красота заставляли учащенно биться серд-